

Из истории русского интуитивизма:
А. Бергсон и «Пути реализма»¹

В России, как и в других странах, концепция Бергсона приобрела широкую известность после публикации во Франции его главного труда «Творческая эволюция» (1907); как вспоминал А.Ф. Лосев, «в те времена Бергсон гремел на весь свет»². Его учение нашло значительный отклик в русской философии первой трети XX в., что подтверждается многими свидетельствами. Приведем здесь два из них. По словам Н.О. Лосского, «*Анри Бергсон* — самое славное имя в современной философской литературе...»³. П.А. Флоренский называл его «значительнейшим и наиболее влиятельным из представителей философии наших дней»⁴. Таких превосходных степеней в сочинениях русских философов того времени можно обнаружить немало. В отечественной исследовательской литературе тема роли Бергсона в русской культуре пока не получила специального освещения. Иная ситуация сложилась за рубежом, где многие авторы давно и серьезно интересуются этой проблематикой. Первый опыт обобщающего исследования был предпринят в книге Ф. Нэттеркотт, где проанализированы основные направления рецепции идей Бергсона в России в первом двадцатилетии XX в.⁵

¹ Статья написана по материалам доклада, прочитанного в апреле 2010 г. в Доме Лосева.

² Лосев А.Ф. *Страсть к диалектике*. М. 1990. С. 16.

³ Лосский Н.О. Бергсон // *Биржевые ведомости*. 23 декабря 1916. С. 5.

⁴ Флоренский П.А. *Столп и утверждение истины*. Сочинения. Т. 1. М. 1990. С. 201.

⁵ Русский перевод: Нэттеркотт Ф. *Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917)*. М.: Модест Колеров. 2008. См. также: Fink H.L. *Bergson and Russian Modernism, 1900–1930*. Evanston, Ill.: Northwestern University. 1999.

Здесь мы остановимся главным образом на тех аспектах этой темы, которые в данной книге были мало освещены или совсем не рассматривались.

Интерес к учению Бергсона в большой мере был обусловлен в России кризисной ситуацией в философии, связанной с осознанием неудовлетворительности тех способов философствования, которые были предложены позитивизмом и неокантианством, и поиском альтернативных им решений. Бергсоновская концепция содержала в себе много плодотворных идей: это философия сознания, основанная на оригинальной трактовке времени и утверждавшая человеческую свободу в противовес детерминистским подходам; сформулированная в «Материи и памяти» (1896) теория восприятия, которая легла в основу бергсоновского реализма и интуитивизма, нацеленных на преодоление традиционного разделения субъекта и объекта в новоевропейской философии; концепция творческой эволюции, развития мира, противостоявшая механистическим и телеологическим трактовкам эволюции; учение об интуиции, подчеркивавшее роль художественного творчества в постижении реальности. Все эти и многие другие стороны концепции Бергсона были проанализированы в работах русских философов, сделавших, в соответствии с собственными философскими установками, акцент на разных ее моментах. Для Н.О. Лосского особенно важной стала бергсоновская теория восприятия, позволившая ему несколько углубить собственное обоснование интуитивизма. Именно Бергсон оказался одной из центральных фигур и для представителей особого направления в отечественном интуитивизме, которые в 1926 г. объединили результаты своих творческих усилий в сборнике «Пути реализма», — Б.Н. Бабынина, Ф.Ф. Бережкова, А.И. Огнева и П.С. Попова. Мы проследим здесь предысторию этого сборника, кратко расскажем о судьбах его участников и об основных сформулированных в нем идеях.

Из авторов сборника наименее известен тот человек, который стал, как можно полагать, инициатором данного издания, — Борис Николаевич Бабынин. Ценные сведения о нем имеются в Архиве РАН, среди материалов, освещающих деятельность Института на-

учной философии, который был создан в 1921 г. при факультете общественных наук Московского университета, а позже, в 1924 г., вошел в состав РАНИОН — Российской ассоциации научных институтов общественных наук. В 1921–26 гг. Бабынин был сотрудником этого Института. Из его *curriculum vitae*, написанного 23 февраля 1921 г. при поступлении на работу, мы узнаем, что он родился 20 июля 1881 г. в г. Егорьевске Рязанской губернии; в 1899 г., окончив гимназию с золотой медалью, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. После трех лет обучения он уехал в Париж, где занимался в Русской высшей школе общественных наук, в Коллеж де Франс и Сорбонне. Вернувшись в 1906 г. на родину, Бабынин вновь поступил в Московский университет, но уже на философское отделение историко-филологического факультета. В 1908 г., сдав экзамен при физико-математическом факультете, он получил звание учителя гимназии с правом преподавания математики и физики. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет с дипломом 1-й степени. Кандидатское сочинение, представленное им профессору Челпанову, называлось «Проблема реальности у Вундта, Гартмана и Бергсона» (225 с.); по словам автора, «Г.И. Челпанов признал это сочинение достойным напечатания, но напечатать не мог по недостатку средств»⁶. В 1911 г. Бабынин опубликовал в «Вопросах философии и психологии» статью о философии Бергсона, прочел в Московском психологическом обществе доклад на тему «Бергсон как апологет свободы», после чего был избран в действительные члены этого общества. В 1912–1913 гг. он начал преподавать в московских гимназиях, где вел курсы математики, космографии, педагогики, логики и психологии, одновременно занимаясь подготовкой к магистерскому испытанию на кафедре философии при историко-филологическом факультете Московского университета. Испытание было успешно закончено в марте 1916 г. По прочтении двух пробных лекций — «Учение Рида о внешнем восприятии» и «Интуиция и рассудок по Бергсону» — Бабынин получил звание

⁶ Архив Российской Академии наук (далее — Архив РАН). Ф. 355. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

приват-доцента и с 1916–1917 гг. вел в Московском университете занятия «главным образом практического характера, руководя семинариями по теории знания и истории новой философии»; одновременно продолжал преподавать в средней школе. Среди своих работ он указал, кроме вышеперечисленных, еще одну: «Субъективны ли чувственные качества?» (143 стр.)⁷.

Эти сведения многое объясняют тем, кто знаком с трудами Бабынина. Становится понятным его хорошее знание философии Бергсона: коль скоро в начале XX в. он жил в Париже и посещал Коллеж де Франс, то несомненно слушал там и лекции французского философа. Упомянутая Бабыниным статья «Философия Бергсона» — одна из первых в России обобщающих работ, содержащая подробный и глубокий анализ его концепции⁸. Наряду с вышедшими несколько позже работами В.А. Базарова и Н.О. Лосского⁹, она заложила хорошую основу для осмысления и рецепции взглядов Бергсона. В своем исследовании Бабынин демонстрирует удивительную глубину проникновения в его идеи. Удивительную — на фоне того, что писали тогда о Бергсоне гораздо более известные философы, нередко воспроизводившие в своих критических пассажах те упреки, которые делались в адрес его учения во Франции. Даже сегодня, по прошествии целого столетия, за которое бергсоновская концепция пережила расцвет, забвение, а в последние 20 лет — переосмысление и реактуализацию на родине мыслителя и в других странах, статья Бабынина не утратила своей значимости. В перспективе дальнейшей его философской эволюции становится ясна причина: дело, на наш взгляд, в глубоком личном интересе к идеям Бергсона, с опорой на которые он уже в те годы продумывал и разрабатывал собственную версию интуитивизма. И в статье о философии Бергсона явственно прослеживаются некоторые линии этой разработки.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ *Бабынин Б.Н.* Философия Бергсона // Вопросы философии и психологии. М. 1911. Кн. 108–109.

⁹ *Лосский Н.О.* Интуитивная философия Бергсона. М., 1914; *Базаров В.А.* О философии действия // Современник. 1913. № 6, 7; *Он же.* Философия действия // Там же. 1913. № 10.

По словам Бабынина, метафизика Бергсона «носит явно выраженный спиритуалистический характер»¹⁰, но отличается своеобразным пониманием природы, подчеркивающим значение времени (в силу этого он назвал бергсоновское учение панхронизмом). Идеи французского мыслителя он оценивает очень высоко, считая, что именно они создают хорошую основу для переосмысления роли и задач философии в современном мире, ее взаимодействия с научным знанием: «Эволюция биологии, возникновение апперцептивной и функциональной психологии, развитие социологии — с одной стороны и плодотворная реализация динамического метода бесконечно малых в области физики и астрономии, преобладание энергетики пред атомизмом — с другой: вот те основные научные моменты, которые естественно готовят новый гносеологический метод так же, как и новый философский синтез. Говоря вообще, мы тяготеем к гносеологическому интуитивизму как направлению, исходящему от непосредственно данного и стремящемуся уяснить генезис математики и логики как производных форм познавательного процесса. Провозвестником и наиболее ярким выразителем интуитивизма и является Бергсон»¹¹. Бабынин разделяет критическое отношение Бергсона к интеллектуализму, противопоставляя последнему интуитивизм, способный, как он полагает, разрешить проблему творчества и свободы, недоступную анализу с чисто интеллектуальной точки зрения. Особое внимание Бабынин обращает на «гносеологический реализм» Бергсона, обоснованный французским мыслителем в книге «Материя и память» и утверждавший, в противовес Канту, возможность познания внешней реальности.

Поясним здесь некоторые моменты. Бергсон, заявив в предисловии к «Материи и памяти» о своем согласии с позицией наивного реализма, разворачивает далее сложную систему аргументации, нацеленную, как становится ясно в последней части книги, на обоснование реализма иного типа. Это — спиритуалистический реализм, в рамках которого суждение о возможности аналогиче-

¹⁰ Бабынин Б.Н. Указ. соч. Кн. 109. С. 502.

¹¹ Там же. № 108. С. 254.

ского познания человеком независимого от него внешнего мира вытекает из тезиса о духовной природе самого этого мира, изначально родственного человеческому сознанию¹². Раскрывая эту позицию, Бергсон излагает в «Материи и памяти» концепцию «чистого восприятия» как абсолютно непосредственного, динамического отношения, в котором — будь оно мгновенным и не связанным с памятью — совпадали бы дух и материя, субъективное и объективное. На деле все обстоит по-иному, так как восприятие не мгновенно, а длительно, к тому же оно взаимодействует с памятью; но все же в принципе «чистое восприятие» могло бы дать полное, неискаженное знание о материи. В концепции, сформулированной в «Материи и памяти» и ставшей для Бергсона важным этапом на пути обоснования интуитивизма, экстенсивное сближается с интенсивным, количество с качеством, и сама материя в известной мере наделяется качественными характеристиками.

Бабынин, довольно подробно излагающий концепцию чистого восприятия, отмечает, однако, и некоторые изъяны бергсоновского учения о материи, обусловленные, среди прочего, его спиритуалистической подоплекой: «...теория “чистого восприятия” носит на себе явные следы традиционного спиритуализма, лишаящего материю “в себе” того качественного разнообразия, что дано нам во внешнем созерцании. С ним тесно связано стремление Бергсона постигать материю как бы изнутри, *психологически*, приписывая ей — правда, бесконечно бедное — психическое бытие, а не извне, космологически, со всем богатством ее качественных проявлений»¹³. Бергсон, с точки зрения Бабынина, недооценил кантовскую идею о чувственной интуиции, рассматривая интуицию как сверхчувственную способность. «Ближайшую задачу будущего» Бабынин формулирует следующим образом: повышение гносеологической ценности конкретной чувственной интуиции, установление равновесия между чувственным и нечувственным познанием. Именно эту задачу должна решить новая, интуитивная метафизика, кото-

¹² Подробнее об этом см.: Блауберг И.И. П.С. Попов — исследователь философии Бергсона // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 120.

¹³ Бабынин Б.Н. Указ. соч. № 109. С. 514.

рая, во многом следуя Бергсону, сделает акцент, однако, не на сверхчувственной интуиции, а на интуиции чувственной.

Позиция спиритуалистического реализма, защищавшаяся Бергсоном, в ряде моментов родственна философии Л.М. Лопатина, который первым из русских философов еще в 1891 г. упомянул о Бергсоне и отметил это сходство, высоко оценив идеи французского мыслителя¹⁴. Очевидно, именно под влиянием Лопатина были написаны некоторые статьи, опубликованные в 1916 г. в сборнике «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве». Этот сборник, изданный к 25-летию педагогической деятельности Г.И. Челпанова, — следующая веха в развитии отечественного интуитивизма того направления, о котором мы рассказываем. Несколько материалов в нем связаны с именем Бергсона, в том числе работы интересующих нас здесь авторов — П.С. Попова и Ф.Ф. Бережкова.

Павел Сергеевич Попов, впоследствии известный логик, профессор МГУ¹⁵, тоже, как и Бабынин, в молодости проявлял особый интерес к философии Бергсона. В 1913 г., будучи еще студентом историко-филологического факультета Московского университета, учеником Лопатина, он опубликовал рецензию на книгу западного бергсоноведа У. Карра, где отмечал, что усвоение концепции Бергсона представляет немалые трудности, справиться с которыми лучше Карра сумел русский исследователь Б.Н. Бабынин, опиравшийся не только на основные труды французского философа, но и на его статьи и доклады¹⁶. Судя по всему, проблема интуиции и интуитивизма профессионально интересовала его в эти годы, как и Б. Бабынина. Тема его магистерской диссертации звучала так:

¹⁴ *Лопатин Л.М.* Положительные задачи философии. Ч. II. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. М. 1891. С. 323.

¹⁵ В последние годы о нем появился целый ряд публикаций. См.: *Никитина Ф.Г.* Павел Сергеевич Попов // Вопросы философии, 2008, № 2; *Щедрина Т.Г.* Павел Сергеевич Попов как историк философии // Там же. Ему посвящена кандидатская диссертация *А.И. Семеновой*: Наследие П.С. Попова — профессора Московского государственного университета. Историко-философский анализ. М. 2009.

¹⁶ См.: Голос минувшего. 1913. № 3.

«Современный интуитивизм в его теоретико-познавательном обосновании как путь метафизического знания» (ноябрь 1914 — февраль 1915). Как следует из автобиографии Попова, хранящейся в Архиве РАН, он в 1915 г. окончил Московский университет и был оставлен при университете по представлению Лопатина и Челпанова. Одновременно он преподавал в гимназии Поливанова, Приклонской и Арсеньевой, работал в библиографическом отделе Румянцевского музея. После завершения магистерского экзамена занял кафедру философии на историко-филологическом факультете Нижегородского университета, где работал до закрытия факультета; преподавал в Научном институте народного образования¹⁷.

В статье «Бергсон и его критики», опубликованной в челпановском сборнике, Попов представил, можно сказать, «апологию» Бергсона, защищая его учение об интуиции от расхожих обвинений в иррационализме¹⁸. Он подробно разбирает и опровергает критические суждения как западных, так и отечественных авторов, демонстрируя хорошее знание всего творчества Бергсона и показывая, что одни его формулировки уравниваются и корректируются другими и лишь сопоставление их может дать адекватное представление о его концепции. Интуитивизм Бергсона, подытоживает Попов свои рассуждения, «нельзя охарактеризовать как *антиинтеллектуализм*. Скорее это супраинтеллектуализм. Иррационален инстинкт, а интуиция носит на себе *печать* умозрения, она не пассивна, не мечтательна и не мистична...»¹⁹

Еще один интересующий нас участник сборника, посвященного Челпанову, Федор Федорович Бережков, окончил Московский университет на два года раньше Попова, в 1913 г., и тоже по рекомендации Челпанова был оставлен на кафедре философии. В предреволюционные годы он читал лекции по логике, философии и психологии, готовил курс «Введение в изучение Достоевского (философские и психологические проблемы его творчества)», но

¹⁷ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

¹⁸ См. републикацию этой статьи: *Попов П. С.* Бергсон и его критики // Вопросы философии. 2009. № 3.

¹⁹ Там же. С. 139.

этот курс так и не был прочитан, так как вызвал критические замечания со стороны ряда профессоров университета²⁰. В статье «Субъективны ли чувственные качества? Критика так называемого “физиологического опровержения”», опубликованной в челпановском сборнике, Бережков доказывает, с опорой в том числе и на Бергсона, что на вопрос, содержащийся в ее названии, следует ответить отрицательно. Основной его аргумент состоит в том, что мозг и органы чувств представляют собой часть объективной реальности, а потому, если считать, что они определяют собой внешнее восприятие, неизбежен ряд парадоксов (в том числе регрессия в бесконечность). (Отметим, что к подобной аргументации прибегал и Бергсон в первой главе «Материи и памяти».) Органы чувств или вообще «животная организация» не участвуют, утверждал Бережков, в «созидании» чувственных качеств как таковых. Человек адекватно воспринимает внешнюю реальность, но не в полной мере, из чего и исходит субъективизм, отождествляющий понятия субъективности и относительности. Свою позицию Бережков охарактеризовал как «новый реализм», подчеркнув, что его нельзя отождествлять с наивным реализмом, так как первый есть научная теория, а второй — «полуинстинктивный» взгляд, имеющий практический характер.

Будущий соавтор Бабынина, Бережкова и Попова по сборнику «Пути реализма», Александр Иванович Огнев, тоже учился в Московском университете, был учеником Лопатина и, вероятно, под его влиянием заинтересовался философией Бергсона. Он — автор опубликованной в 1912 г. в «Русской мысли» рецензии на первый русский перевод «Материи и памяти», выполненный А. Баулер²¹. В 1915 г. он прочел в университете лекцию на тему «Система трансцендентального идеализма Шеллинга». Для нас особенно интересен ее финал: «...признание иррациональной стихии бытия, его

²⁰ См.: Павлов А.Т. Философия в Московском университете // Русская философия. Словарь / Под общей редакцией М.А. Маслина. М.: Республика. 1995; Он же. Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917–1941 // Философские науки. 2003. № 9. С. 103.

²¹ См.: Огнев А. [Рец. на:] Анри Бергсон. Материя и память // Русская мысль. 1912. № 7.

неизмеримой мощи и богатства, с которыми бессильна справиться наша мысль, роднит Шеллинга с другим философом-романтиком, труды которого в наши дни по преимуществу приковывают к себе внимание философов. Я имею в виду современного нам мыслителя, Анри Бергсона, глубокие интуиции которого, по-видимому, готовят новый период философского творчества»²². Огнев участвовал в сборнике, изданном к 30-летию педагогической деятельности Лопатина, был рядом с учителем в последние его минуты, а после его смерти написал книгу о нем. Некоторое время его собственные работы были отмечены влиянием спиритуализма Лопатина, но постепенно он стал склоняться к иной философской позиции, которая в итоге оказалась близкой к «новому реализму» Бабынина и Бережкова. Показательна в этом смысле статья «Идеальное и реальное в сознании» (1918), где Огнев ставит задачу доказать несостоятельность гносеологического идеализма путем демонстрации того, что одна из наиболее интересных и влиятельных форм такого идеализма — гуссерлевская феноменология — неспособна дать «исчерпывающую характеристику сознания», так как не учитывает присущие последнему реальные моменты, и прежде всего реальность самого акта сознания. Огнев признает достоинства спиритуалистических теорий, которые стараются «в данных сознания найти основу для познания абсолютной, независимой от наших представлений о ней реальности», подчеркивает, что «стремление подойти к абсолютной реальности со стороны данных внутреннего опыта составляет со времен Декарта неоценимую огромную заслугу спиритуализма, придающую этому направлению исключительно важное значение»²³. Но в то же время его уже не устраивает сама аргументация, предлагаемая спиритуализмом, которая представляется ему слишком общей и неопределенной. Именно поэтому он обращается к феноменологии, стремясь обогатить свою точку зрения с учетом новейших достижений в сфере

²² Огнев А.И. Система трансцендентального идеализма Шеллинга // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 130. С. 562–563.

²³ Огнев А.И. Идеальное и реальное в сознании // Вопросы философии и психологии. 1918. Кн. 141–142. С. 87.

анализа сознания. Вывод Огнева таков: «В современной нам философии два мыслителя оказали особенно сильное влияние своими исследованиями, посвященными вопросу о сущности сознания: Бергсон и Гуссерль. Но каждый из них впал в своем учении в одну сторону: Бергсон выдвинул исключительно реальный момент сознания, Гуссерль — момент идеальный. В классических системах спиритуализма, начиная с Лейбница, мы находим более широкий синтез, примиряющий эти два неразрывно связанных друг с другом момента»²⁴. Не называя имени Бергсона, но явно под его влиянием, Огнев формулирует идею об экстенсивности «реального субстрата нашей душевной жизни»²⁵; эта идея, высказанная здесь мимоходом, будет развита им позже в «Путях реализма».

Этот краткий обзор ретроспективно показывает, как герои нашей статьи постепенно, каждый по-своему, продвигались в обосновании позиции, которая получит позже название «интуитивистического реализма». Судьбы их какое-то время разворачивались параллельно. Все они после окончания учебы были так или иначе связаны с Московским университетом, вели там занятия, встречались на заседаниях Московского Психологического общества, участвовали в обсуждении докладов. Так, в отчете о деятельности МПО, опубликованном в одном из выпусков «Вопросов философии и психологии» за 1917 г., сообщается, что на заседании 15 октября 1916 г. под председательством Л.М. Лопатина «сторонний посетитель Общества» П.С. Попов прочел реферат на тему «Значение учения Локка о качествах в истории новой философии». В прениях участвовали Б.Н. Бабынин, Ф.Ф. Бережков, А.И. Огнев, Л.М. Лопатин и др. На этом же заседании Лопатин и Огнев предложили избрать П. Попова, оставленного на кафедре философии при Московском университете, действительным членом Общества, что и было сделано²⁶.

В послереволюционный период трое из наших философов — Бабынин, Бережков и Попов — вновь оказались вместе, став в 1921 г. сотрудниками Института научной философии при Московском уни-

²⁴ Там же. С. 129.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ См.: Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 137–138. С. 180.

верситете (правда, в отличие от Бабынина и Попова, занявших должности научных сотрудников I разряда, Бережков был зачислен на работу сверхштатно)²⁷. И дальше судьбы их складывались сходным образом. Как мы узнаем из материалов Архива РАН, в 1925 г. для продолжения деятельности в Институте они представили свои работы на соответствующую экспертизу. Статья Бабынина «Критика наивного реализма» была дана на отзыв А.И. Авраамову, который, подробно разобрав ее и отметив в том числе и ряд достоинств, сделал вывод, что в ней «о философии материализма буквально ни слова... Сомнительно, чтобы Б.Н. Бабынин имел действительное пристрастие к действительно научной философии, поскольку наш Институт Научной философии справедливо считает таковой философию диалектического материализма» (отзыв от 10.I.26 г.). На заседании Коллегии Института от 28 января 1926 г. было принято решение: «Кандидатуру Бабынина в сотрудники I разряда отклонить»²⁸.

Н.А. Карев, прочитав работу П.С. Попова «К спору об авторе трактата», отметил, что она «обнаруживает тщательное изучение предмета», однако представляет очень узкий историко-философский интерес и «не дает даже и намёка на собственную точку зрения автора по основным проблемам философии»²⁹ (отзыв от 16 ноября 1925 г.). На этом основании Коллегия Института сделала вывод об идеологической неприемлемости статьи, на чем и завершилась научная карьера Попова в этом учреждении³⁰. В том же году такая же печальная участь постигла и работу Бережкова «Субъективны ли чувственные качества?», отзыв на которую написал И.К. Луппол. Надо сказать, что в целом тон отзыва довольно благожелателен. Рецензент отмечает, что эта статья является «звеном в ряде других», еще не напечатанных статей автора, таких как «Проблема объективности чувственных качеств и физика в ее принципах», «Критика психологического опровержения

²⁷ См.: Справка о штатах по научно-исследовательскому институту научной философии на 5. X. 1922 // Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 10. Л. 2, 3.

²⁸ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

²⁹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 41. Л. 12. Как можно понять из отзыва, речь в статье Попова шла о каком-то трактате Шеллинга.

³⁰ См. Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Д. 36. Л. 20.

наивного реализма» и др. «Все они, как следует из первой работы, ставят себе целью обосновать ту точку зрения, которая на Западе получила название “нового реализма” (new realism), — т. е. точку зрения признания *объективности чувственных качеств*, — и в то же время избежать так наз. наивного реализма». Луппол признает, что аргументация Бережкова «в достаточной степени убедительна. Автор стоит в общем на материалистической точке зрения (если взять критерий философских систем, данный Энгельсом). Однако, автор, видимо, вовсе не знаком с диалектическим материализмом. Механический же, чисто атомистический материализм автор, видимо, отрицает, считая, что он отрывает «вещи в себе» от явлений. С другой стороны, можно отметить некоторую неразборчивость автора в поисках своих союзников (Бергсон, Лотце)». В заключение рецензент указывал, что проблема объективности чувственных качеств и решение ее сторонниками реализма (в частности Ф. Бережковым) «представляет значительный интерес для диалектического материализма, ибо “новый реализм” может быть предварительно охарактеризован нами как “стыдливый материализм”»³¹. Тем не менее и работу Бережкова Коллегия признала «идеологически неприемлемой».

Итак, трое из наших авторов, оказавшиеся коллегами по Институту научной философии, покинули его примерно в одно время и не по своей воле. Формально их пути затем разошлись, каждый нашел себе другую работу, но они оставались единомышленниками. Очевидно, еще раньше, в стенах Института, они решили соединить свои усилия и издать совместный сборник. Такой вывод, как мы полагаем, следует из того факта, что один из авторов, А.И. Огнев, умер в ноябре 1925 г.³², т. е. еще до принятия Коллегией от-

³¹ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 41. Л. 9, 10.

³² «После операции в области брюшины скончался Александр Иванович Огнев <...> На похороны съехалось очень много народу. Отпевание происходило в небольшой церкви Св. Георгия, бывшей вблизи здания университета на Моховой улице. Заупокойную службу вели три священника: настоятель церкви <...>, отец Павел Флоренский и отец Сергей Сидоров. Похороны состоялись на Пятницком кладбище» (*Раевский С.П.* Пять веков Раевских. М.: Вагриус. 2005. С. 521–522).

рицательного решения о работе Бабынина; между тем примечание 1 к статье Огнева в сборнике, начинающееся словами: «Выпуская в свет настоящую статью...», — свидетельствует о том, что он был уверен в ее скорой публикации. (Впрочем, не исключено, что он вначале готовил ее для какого-то иного издания.)

Сборник «Пути реализма», вышедший в 1926 г., спустя 10 лет после издания сборника, посвященного Челпанову, — последняя важная веха в истории той версии русского интуитивизма, о которой мы рассказываем. 1926 год — это уже другое время. «Есть ли для нас что-нибудь более дорогое, чем свобода и творчество?» — писал Б. Бабынин в статье о философии Бергсона в 1911 г.³³ Теперь ситуация в философии изменилась, пространство для свободы и творчества сузилось, но давление идеологии не было еще всеохватывающим, существовала возможность более-менее свободного высказывания своих идей. Примечательно указание на обложке сборника: «Издание авторов». Впоследствии Н.О. Лосский в «Истории русской философии» так отзывался об этой книге: «Гносеологическое исследование в духе интуитивизма появилось даже в Советской России в начале большевицкой революции, когда деспотический режим, подавляющий философскую мысль, выходящую из рамок материализма, еще не дошел до таких крайностей, как в наше время. Так, в Москве в 1926 г. появился сборник, содержащий в себе статьи Б. Бабынина, А. Огнева, Ф. Бережкова и П. Попова. Они назвали свое направление интуитивистическим реализмом, имея в виду сходство интуитивизма Н. Лосского с англо-американским неореализмом Александера, Лэрда, Монтэгю и др., поскольку оба направления утверждают, что воспринимаемые предметы вступают в кругозор сознания познающего индивидуума самолично в подлиннике и потому познаются так, как они существуют независимо от акта знания»³⁴. Действительно, влияние Лосского заметно в этом сборнике; но вместе с тем явным образом прослеживается, как мы увидим, и влияние идей Бергсона, хотя Лосский о нем здесь не упоминает.

³³ *Бабынин Б.Н.* Философия Бергсона // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 108. С. 259.

³⁴ *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Прогресс. 1994. С. 317.

Как пишет Бабынин в предисловии к сборнику, формулируя цели данного издания, авторов сближает «общность реалистического направления в решении гносеологической проблемы внешнего опыта и, что особенно важно, та интуитивистическая форма этого решения, которая упраздняет антагонизм между философской теорией и жизненной практикой, устанавливая между ними гармонию. Беспочвенна та философия, которая идет наперекор основным и неискоренимым воззрениям каждого человека, его уверенности в том, что существует независимый от него внешний мир, что воспринимаемые им явления — не галлюцинации и не иллюзии, но подлинная объективная реальность, что как “чувственные” качества, так и формы их сосуществования — не субъективные фикции, не символы и не двойники какой-то непосредственно ему недоступной действительности, но определения самого этого мира. Далекий от того, чтобы разрушать эти воззрения, новый реализм стремится дать им всестороннее теоретическое обоснование: конечно, не на почве их догматического принятия, но путем раскрытия их гносеологической необходимости, как отправных пунктов философствования»³⁵. Бабынин подчеркивает, что авторы придерживаются разных трактовок интуитивного познания: для одних это скорее «узрение», для других — динамическое взаимодействие субъекта и объекта. Но для всех важен отказ от гносеологического идеализма, т. е. всей послекантовской традиции, и трансцендентального реализма разных типов (под последним, как выясняется, здесь имеется в виду прежде всего концепция Э. Гартмана).

Бабынин отмечает, что с онтологической точки зрения позиция авторов нейтральна, они не определяют того, какому из начал — материальному или нематериальному — следует отдавать предпочтение в онтологии. Вместе с тем, задача сборника — именно прояснение, углубление онтологических понятий. Ведь признание объективности содержаний внешнего опыта, повышающее гносеологическую ценность чувственной интуиции, позволит выработать

³⁵ *Бабынин Б.Н.* Предисловие // Пути реализма. М. 1926. С. 3. Далее при цитировании страницы данного издания указываются в тексте статьи.

такую концепцию материи, которая объединит «красочное многообразие» мира и даст ключ «к уразумению проявляющихся в нем законов» (с. 5), что, в свою очередь, сообщит новую энергию познавательным усилиям естествоиспытателей и философов. Наряду с этим, назрело, как пишет Бабынин, выражая общую позицию авторов сборника, и коренное преобразование понятия сознания: субъекта познания следует освободить от навязанного ему инородного балласта — «субъективных» содержаний восприятия. От этого «углубления основных онтологических понятий — прямая дорога к новому философскому синтезу» (там же). Напомним, что в статье Бабынина о Бергсоне 1911 г. тоже шла речь о необходимости нового философского синтеза, основанного в том числе и на идеях французского мыслителя. Очевидно, все эти годы Бабынин продолжал осмысливать тему, сформулированную им в той работе, и теперь излагал свои выводы.

В статьях Бабынина, Бережкова и Огнева провозглашается необходимость реалистической позиции в философии, т.е. признания того, что внешняя человеку и независимая от него действительность непосредственно и адекватно воспринимается им. Это возврат к наивному реализму, но не в примитивной, обыденной его форме; здесь ставится задача осмыслить его гносеологическую сущность, а точнее — его главную предпосылку, на которой в принципе и основана сила науки и убедительность ее данных и законов. В этой предпосылке Бабынин выделяет три составляющие: она «*наивна*, так как допускается без всякой критики в качестве основного пункта мирозерцания; она *реалистична*, так как утверждает наличность познающего субъекта и независимой от него действительности; она, кроме того, *интуитивистична*, так как утверждает непосредственность познания этой действительности» (с. 8). Поскольку эта установка критиковалась в философии с опорой на данные физики и физиологии, свидетельствовавшие о субъективности человеческих восприятий, то именно эти аргументы и подвергают, в свою очередь, критическому разбору трое упомянутых выше авторов. В статье Бабынина представлен общий обзор опровержений наивного реализма, Бережков избрал своей мишенью главным об-

разом физическое опровержение, Огнев — физиологическое. В статьях даются различные, но часто взаимодополняющие решения. «Успешный штурм наивно-реалистической позиции, — пишет Бабынин в статье “Критика наивного реализма”, — влечет за собою два следствия. А именно: признание субъективности всего состава нашего опыта ведет или к философскому *идеализму* (если соединяется с отрицанием всего трансцендентного сознанию), или к философскому *реализму* (если соединяется с утверждением трансцендентной действительности)» (с. 15). Анализируя обе эти тенденции философской мысли, Бабынин стремится вскрыть присущие им внутренние противоречия, вытекающие из исходных посылок. Так, в первом случае, т. е. при упразднении транссубъективной действительности, «естествознание утрачивает самостоятельное значение и делается ветвью психологии; становится необъяснимой согласованность восприятий различных познающих субъектов и взаимная солидарность процессов индивидуального внешнего опыта. Еще важнее: субъективирование внешнего чувственного опыта подрывает доверие и к реальной значимости внешнего нечувственного опыта, т. е. теряет почву допущение “чужих Я”, а это ведет к *солипсизму*» (с. 16).

Разбирая вторую тенденцию, т. е. трансцендентальный реализм Э. Гартмана, опиравшегося на концепцию Канта, Бабынин отмечает, что если, как это делает Гартман, признать трансцендентную реальность пространства, то тем самым придется допустить такую же реальность и качественного содержания этой формы чувственности, т. е., иными словами, объективность наших восприятий. Пространство, по Бабынину, не может существовать без всякого чувственного содержания, как и, наоборот, чувственные качества всегда имеют экстенсивные определения. Но в таком случае, если и форма, и ее чувственное содержание признаются объективными, то мы имеем дело с подлинно реальным миром, который, однако, по исходному условию трансцендентального реализма, не может когда-либо стать содержанием сознания. Таким образом, и точка зрения Гартмана ведет к противоречиям. В принципе невозможно, считает Бабынин, «мыслить пространство реальным и в то же

время лишенным всякого чувственного содержания. Если в чем Беркли был действительно прав, так это в своем утверждении, что нельзя приписывать реальную значимость пространственной форме, отняв у нее содержание» (с. 23).

Бабынин приводит здесь много других аргументов, но нам в данном случае интересен именно аргумент о пространстве, поскольку он, на наш взгляд, прямо связан с бергсоновской концепцией. Хорошо известно, что Бергсон разграничил в своей концепции длительность (*durée*) и опространствованное время; но редко обращают внимание на еще одну важную для него оппозицию. В «Материи и памяти» Бергсон, обосновывая свою версию реализма, провел различие между пространством как идеальной схемой нашего воздействия на вещи, «схемой бесконечной делимости», и конкретной непрерывной протяженностью: «...если речь идет о конкретной протяженности, непрерывной, разнообразной и в то же время организованной, можно оспаривать мнение о ее единстве с аморфным и косным пространством, которое под нее подведено, пространством, которое мы бесконечно разделяем, произвольно вырезая в нем фигуры ... Можно было бы в известной мере освободиться от пространства, не выходя из протяженности, и это был бы возврат к непосредственному, потому что в действительности мы воспринимаем протяженность, тогда как пространство только представляем себе наподобие схемы»³⁶. Это положение, из которого у Бергсона вытекала, в частности, идея об экстенсивности восприятий и ощущений, оказалось очень важным и для Бабынина, и для других авторов сборника «Пути реализма». Так, Ф.Бережков в статье «К проблеме объективности качественной действительности. Критика физического опровержения “наивного” реализма» рассуждает, по сути, в том же духе. Можно, считает он, мыслить пространство без чувственных качеств, которые Локк назвал «вторичными», но тогда это будет уже не физическое, а математическое пространство; в таком случае «физические теории, конструированные ... в понятиях, трансцендентных непосредственному вос-

³⁶ *Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Московский клуб. 1992. С. 278. Перевод немного уточнен.

приятию природы, получают характер чисто условных построений, научных фикций...» (с. 50). Анализируя точки зрения некоторых современных ему философов и теоретиков физики, Бережков делает вывод о наличии серьезных оснований для «реабилитации объективности качественной действительности» (с. 60), признания того, что сама материя обладает качественными характеристиками.

Особый интерес для нас представляет статья А.И. Огнева «Сознание и внешний мир». Автор отмечает, что под влиянием углубленного изучения философии природы несколько изменил здесь свою позицию, которая прежде была близка спиритуализму Лопатина. Зато он многократно ссылается в данной работе на Бергсона. Хотя, как мы отмечали выше, Бергсон с Лопатиным во многом сближались, но Бергсон использовал иной способ обоснования реализма, который Огневу и его коллегам показался очень продуктивным. Вероятно, это сыграло определенную роль в философской переориентации Огнева.

Центральной для него тоже стала идея о разделении пространства и протяженности, из чего вытекает, как и у Бергсона, пересмотр теории восприятия. В решении проблемы восприятия, считает Огнев, необходимо решительно отказаться от «одностороннего психологизма», ведущего к субъективизму; требуется пересмотреть все учение об ощущениях, чтобы преодолеть дуализм, «смущающее мысль удвоение материального мира на сферу призрачных феноменов и трансцендентных бескачественных вещей в себе» (с. 78). Так называемые «вторичные качества» нельзя считать чисто психологическими, субъективными реальностями, нельзя видеть в них «субъективное и идеальное содержание наших психических актов» (с. 79). Следует признать их реальность, их непсихическую природу, а это возможно, если отказаться от «гипостазирования схемы пустого трехмерного пространства» (с. 88). Объективное пространство дается нам как нечто онтологическое в виде непосредственно воспринимаемой протяженности, обладающей качественно-динамической природой и равным образом свойственной и физическому, и психическому миру. Такое понимание снимает, по Огневу, проблему проекции ощущений в про-

странство: они изначально оказываются пространственными, а из этого следует, что качества предмета воспринимаются нами в самом предмете. «В противовес наивно-перспективистическому представлению положения места, “откуда” действуют вещи, представлению, имеющему своею причиною гипостазирование пространства, приходится выдвинуть тезис, согласно которому реальность дана прежде всего там, где она действует» (с. 88).

Заметим, что именно эту идею Бергсон выдвинул в «Материи и памяти», а потом разъяснял в ряде работ, в том числе писем. Так, в письме к Ж. Лешала он писал: «По моему мнению, мы действительно находимся в любой точке, доступной нашему восприятию. Во всяком случае, это самый естественный способ выражения: усвоить иной способ, отдать предпочтение тактильному восприятию и свести свое реальное присутствие к той, очень ограниченной, части пространства, где осуществляется наше тактильное влияние, нас побудили потребности действия»³⁷. Огнев тоже подчеркивает, что в основу понимания процесса восприятия часто кладется именно тактильное ощущение, или образ руки, которая ощупывает свой предмет. Это, считает он, свойственно и наивному реализму, который частично должен быть «реабилитирован», но с важными коррективами, устраняющими идею о совершенно пассивной роли сознания в процессе восприятия. Напротив, восприятие следует толковать как динамический процесс, в котором сущность, называемая «нашим психическим “я”», вступает в прямое взаимодействие с чем-то реально протяженным» (с. 74), а потому и сама неизбежно приобретает протяженность или даже с самого начала является протяженной в своем внутреннем бытии. Такая концепция, отмечает Огнев, «как нельзя более вяжется с Бергсоновским пониманием» (с. 88) процесса восприятия. Как он полагает, именно Бергсон в «Материи и памяти» сделал первый шаг к углубленному рассмотрению роли органов чувств в познании. «Основную тенденцию Бергсона в решении этого вопроса можно грубо передать сравнением органов чувств с чем-то вроде сита, через которое

³⁷ Бергсон А. Письма Ж. Лешала (1897) // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН. 2010. С. 301.

просеиваются для нас воздействия на нас внешнего мира. Наиболее оригинальной и, как мне кажется, наиболее плодотворной идеей Бергсона является здесь отрицание за органами чувств всякого творческого значения по отношению к качествам воспринимаемого нами внешнего мира: их роль сводится к выбору и только к выбору» (с. 93). Вывод Огнева таков: в понимании роли органов чувств следует двигаться в направлении, намеченном Бергсоном.

Вся статья Огнева представляется нам углублением и развитием бергсоновской идеи о протяженности психического. Он приводит здесь много дополнительных аргументов, опираясь на данные тогдашней науки. Признание подобной концепции позволит, считает Огнев, преодолеть трансцендентальный идеализм и имманентизм в теории познания, а тем самым и вывести философскую мысль на более плодотворный путь, сориентировав ее на те проблемы, невнимание к которым повлекло за собой общий кризис философии. «Не выводить из трансцендентных начал, а описывать и объяснять — вот истинная задача онтологии. ... Философия, если она не хочет насильственно замкнуться в рамках абстрактной онтологии, должна приобщаться живому восприятию многообразия сущего, как оно дается в опытно-интуитивном его знании. ... Для сознавшего неизбежность такого подхода к этой проблеме должно рухнуть ее стереотипное решение в философии нового времени, и это крушение мы должны приветствовать как истинное освобождение от того мрачного и безумного иллюзионизма, в который нас погружают основные течения новейшей теории познания» (с. 98).

Итак, все три автора солидарны в признании необходимости строить теорию внешнего опыта, оставаясь на почве наивного реализма и опираясь на интуитивизм. Хотя это не означает прямого возврата к наивному реализму, точка зрения которого недостаточна, по словам Бабынина, в силу ее «недифференцированности», все же основную посылку такой позиции следует сохранить. Показательно, что в конце своей статьи Бабынин, не называя автора, дает цитату из бергсоновской работы «Введение в метафизику»: «Существует внешняя и, однако, непосредственно данная нашему

духу реальность. Здравый смысл прав в этом пункте против идеализма и реализма философов»³⁸ — и подводит итог: «Это слово одного из наиболее глубоких современных мыслителей может служить резюме настоящего доклада»³⁹ (с. 36).

Статьи Попова «О реальности категорий» и «О функции суждения в познании» стоят здесь несколько особняком. Он разделяет позицию своих коллег, поддерживая гносеологический реализм и объективизм, противостоящие кантианству и нацеленные на то, чтобы «вернуть миру его самобытность, его действительную самостоятельность, его живую наличность» (с. 99). Но в центре его внимания оказался вопрос не об объективности чувственного знания, а о том, как общие понятия, категории прилагаются к действительности, каким образом и почему действительность подчиняется этим категориям, охватывается ими. В поисках решения Попов обращается к аристотелевскому учению о категориях и его современным интерпретациям. В финале второй статьи он так формулирует свой ответ: «... в природе или в мире потенциально заключены те самые законы и соотношения, которые фиксирует ум в виде своих категорий» (с. 156). Как отмечал Д.И. Чижевский, «П.С. Попов ориентирует свое обоснование логики на аристотелевскую точку зрения, — действительность и идеальное бытие должны изначально “соучаствовать” одно в другом, чтобы возможно было какое-нибудь “приложение” идей к действительности и какое-то “понимание” конкретного. Автором намечается таким образом аристотелианская линия развития метафизики интуитивизма»⁴⁰. Попов не упоминает здесь о Бергсоне, но, на наш взгляд, неявно опирается на его концепцию, развивая идею о динамическом синтезе как «плодоносном соприкосновении» субъекта и объекта, первоначальном «узрении», на котором строится суждение (с. 146).

³⁸ См.: *Бергсон А.* Введение в метафизику // Бергсон А. Соч. в 5-ти т. Т. 5. СПб. 1914. С. 34.

³⁹ Статья Бабынина представляет собой текст доклада, прочитанного в декабре 1922 г. в Совете Института научной философии.

⁴⁰ *Чижевский Д.И.* [Рец. на:] Пути реализма // Современные записки. 1929. № 40. С. 553. Я благодарю Анну Игоревну Резниченко, которая сообщила мне о данном материале и предоставила его копию.

В цитированной выше рецензии на данный сборник, опубликованной в 1929 г. в «Современных записках», Д. Чижевский отмечал и достоинства, и изъяны представленной в нем позиции. К первым он относил то, что интуитивизм «очень решительно и в ряде пунктов очень убедительно ликвидирует предпосылки “иллюзионизма” традиционной гносеологии, целый ряд псевдо-проблем»⁴¹, которыми занималась философия в конце XIX — начале XX вв. Так, гносеология, призванная быть пропедевтикой к онтологии, космологии, этике, доказывала, напротив, их невозможность, делая скептические выводы о возможности познания человеком объективной действительности. Интуитивизм, полагает Чижевский, безусловно прав, опровергая такие взгляды, но и сам не свободен от ошибок: «Нам представляется, что авторы сборника несколько слишком “оптимистичны”, — в то время, как скептическая гносеология не видела в познании *ничего, кроме границ*, некоторые интуитивисты не хотят видеть *никаких границ*. Их реализм не совсем избежал поэтому опасности спадения к наивному реализму (в статье Огнева, впрочем, существенные ограничения такой опасности)». Кроме того, авторы сборника ограничиваются, подобно тем, кого они критикуют, чисто гносеологической позицией, тогда как представители старшего поколения русских интуитивистов — Лосский и Франк — уже занялись онтологическими исследованиями. «Во всяком случае сборник “Пути реализма” показывает, что начавшееся в России перед войною философское движение не замерло и сейчас. И остается только пожалеть, что авторам сборника захотелось выступить перед читателями со статьями, посвященными только проблеме “*путей к философии*”, а не центральным проблемам *философии как таковой*»⁴².

Зная теперь историю данного сборника, мы можем предположить, что впоследствии авторы, представься им такая возможность, обратились бы и к онтологии, изложили бы свои оригинальные философские концепции. Эпоха не дала им такой возможности. Уже в июне 1927 г. К.К. Милонов, ученый секретарь философской

⁴¹ Там же. С. 551.

⁴² Там же. С. 552, 553.

секции Комакадемии, в направленном в ЦК ВКП (б) «Обзоре итогов философских дискуссий» охарактеризовал сборник «Пути реализма» как антимарксистский⁴³. Очень скоро официальная философия оттеснила и заместила собой все те направления мысли, которые в 1926 г. еще могли заявлять о себе. И теперь нам остается только строить догадки о том, какое развитие нашло бы впоследствии рассмотренное здесь течение «младших» интуитивистов.

Библиография

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1.

Бабынин Б.Н. Философия Бергсона // Вопросы философии и психологии. М. 1911. Кн. 108–109.

Базаров В.А. О философии действия // Современник. 1913. № 6, 7; Философия действия // Там же. 1913. № 10.

Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Московский клуб. 1992.

Бергсон А. Письма Ж. Лешала (1897) // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН. 2010.

Бережков Ф.Ф. Субъективны ли чувственные качества? Критика так называемого “физиологического опровержения” // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. М. 1916.

Блауберг И.И. П.С. Попов — исследователь философии Бергсона // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 120.

Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М.: Прогресс-Традиция. 2009.

Лопатин А.М. Положительные задачи философии. Ч. II. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. М. 1891.

⁴³ См.: *Корсаков С.Н.* Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М.: Прогресс-Традиция. 2009. С. 116.

- Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М. 1990.
- Лосский Н.О. Бергсон // Биржевые ведомости. 23 декабря 1916.
- Лосский Н.О. Интуитивная философия Бергсона. М., 1914.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Прогресс. 1994. С. 317.
- Никитина Ф.Г. Павел Сергеевич Попов // Вопросы философии. 2008. № 2.
- Нэтеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М.: Модест Колеров. 2008.
- Огнев А. [Рец. на:] Анри Бергсон. Материя и память // Русская мысль. 1912. № 7.
- Огнев А.И. Идеальное и реальное в сознании // Вопросы философии и психологии. 1918. Кн. 141–142.
- Огнев А.И. Система трансцендентального идеализма Шеллинга // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 130.
- Павлов А.Т. Философия в Московском университете // Русская философия. Словарь / Под общей редакцией М.А. Маслина. М.: Республика. 1995.
- Павлов А.Т. Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917–1941 // Философские науки. 2003. № 9. С. 103.
- Попов П.С. Бергсон и его критики // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. М. 1916. Переиздание: Вопросы философии. 2009. № 3.
- Пути реализма. М.: Издание авторов. 1926.
- Раевский С.П. Пять веков Раевских. М.: Вагриус. 2005.
- Семенова А.И. Наследие П.С. Попова — профессора Московского государственного университета. Историко-философский анализ. Автореф. дисс. канд. филос. наук. М. 2009.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Сочинения. Т. 1. М. 1990
- Чижевский Дм. [Рец. на:] Пути реализма // Современные записки. 1929. № 40.
- Щедрина Т.Г. Павел Сергеевич Попов как историк философии // Вопросы философии. 2008. № 2.
- Fink H.L. Bergson and Russian Modernism. 1900–1930. Evanston, Ill.: Northwestern University. 1999.